

И.Г. Добродомов

СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА В ИСТОРИКО-ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Поскольку историей слов занимаются две историко-лингвистические дисциплины – историческая лексикология и этимология, – возникает проблема их четкого разграничения по методике исследования и по используемому для этого материалу. Историческая лексикология опирается на материал одного языка по его отражению в текстах и словарях этого же языка, а этимология использует материал других – родственных и неродственных – языков, которые исторически имели связи с исследуемым языком и могут давать важные сведения для характеристики слов этого языка¹.

В этом отношении возникает возможность оспаривать преимущества и относительную результативность этимологической и историко-лексикологической методики исследования лексики, что остается вечной проблемой истории словарного состава, поскольку и в том, и в другом случаях привлеченный к анализу материал обычно фрагментарен и зачастую сам по себе недостаточен для надежных выводов, поэтому чаще всего приходится комбинировать этимологический и историко-лексикологический материал и обрабатывать и тот, и другой с использованием соответствующих методик.

Здесь было бы полезным вспомнить научный спор о возможностях этимологических и историко-лексикологических разысканий между В.В. Виноградовым и О.Н. Трубачевым. Последний высоко ценил десятки заметок первого о таких словах, “как *письмоносец, поединок, предвзятый, представитель, начитанный, переживание, закал, набожный, перелистывать, сосредоточенный*, и другие им подобные, как правило, производные образования литературной и просторечной лексики, в большинстве своем позднего происхождения, последних двух веков”, и обратил особое внимание на следующие слова В.В. Виноградова: “История слова должна воспроизводить все содержание, всю цепь его смысловых превращений, все его “метаморфозы”. Она стремится раскрыть конкретные условия употребления слова в разные периоды его речевой жизни. Она определяет исторические закономерности

изменения значений, связывающие судьбу отдельного слова с общим ходом развития всей семантической системы языка или тех или иных его стилей. История слова всегда жизненнее, динамичнее и реальнее его этимологии. Вопрос о происхождении слова только тогда получает твердую культурно-историческую базу, когда опирается на исследования всех этапов смысловой эволюции этого слова, всех обстоятельств его бытования в разных социальных говорах, наречиях и родственных языках”².

О.Н. Трубачев по этому поводу резонно замечает: “Конечно, этимология слов типа *поединок, предвзятый, представитель, начитанный* и т.п. сводится либо к указанию на кальку, либо вообще она не требуется ввиду очевидности словообразовательных связей. Но так ли уж богата всегда их история? Много ли превращений и метаморфоз можно указать для слова *письмоносец* или *перелистывать*? Размышляя над высказыванием акад. В.В. Виноградова, а также над некоторыми современными аспектами проблемы, мы должны иметь в виду, что противоположение более древнего лексического фонда и многих тысяч новых слов литературно-книжного языка в действительности может обрести несколько иной смысл, чем тот, который в нее вкладывал покойный ученый”³.

Высказанные в этом диалоге положения о своеобразии методик исторической лексикологии и этимологии приходится постоянно вспоминать, когда исследователь имеет дело с материалом, который восходит даже к относительно недавнему прошлому и тем не менее не вполне привычен исследователю.

Слова, вышедшие из активного употребления, но встречающиеся в старой литературе, часто плохо понимаются нынешними читателями, а лексикографы их не всегда правильно описывают, как это случилось с существительным *махальный* в недавно вышедшем словаре школьного жаргона О.А. Анищенко, которая в одной старой статье о воспитании в Петербургском кадетском корпусе в начале XIX в. обнаружила слово *махальный* и включила его в свой словарь, придав ему значение “кадет, обязанностью которого было стоять у дверей и предупреждать о появлении начальства”, что на первый взгляд как бы хорошо подтверждается контекстом: “Урок свой он начинал тем, что ставил махального, т.е. из кадет в дверях, ведущих из класса в коридор, для наблюдения за прохождением инспектора и других начальников”⁴.

Не лишено известного интереса, что сам В.И. Даль в своей “Автобиографической записке” 1872 г. употребил слово *махаль-*

ный в воспоминаниях о своем пребывании в петербургском Морском кадетском корпусе (1815–1819): “Дети прятались для того на чердаке и в других малодоступных местах, расписывая под охраной выставленных махальных бумажные листы вензелями начальников своих и наклеивали на лучинные пирамиды” (Русский архив, 1872, кн. 3, № 11, 2248). В этих строках нет никакого намека на принадлежность слова *махальный* к специфически кадетской лексике.

Кажется, такое же значение обнаруживается и у субстантивированного прилагательного *махальный* в главе 8 “Мелочей архиерейской жизни” (1878–1880) Н.С. Лескова при описании событий середины XIX в., происходивших с учениками иконописной школы-мастерской Киево-Печерской Лавры при киевском митрополите (1837–1857) Филарете Амфитеатрове: “А потому мы в один прекрасный день разметили посты, поставили махальных и затем один по одному всею гурьбою спустились потихоньку в угольное окно ⟨..⟩”. “⟨..⟩ все три наши махальные не выдержали искушения и, покинув свои посты, вместе с нами сбежали в сад ⟨..⟩”⁵.

В чередовании *сторож/махальный* оба слова употребляются Н.С. Лесковым также в очерке о сельском духовенстве “Архиерейские объезды” (1879), но и это употребление не дает нам никакого права считать существительное *махальный* ни кадетским, ни семинарским, ни клерикальным.

Считать слово *махальный* специфическим для русских учебных заведений нельзя, поскольку старый академический “Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук” 1847 г. дает это слово как своеобразный солдатский военный жаргонизм: “**Махальной**, а го, въ видѣ с. м. У солдатъ: особенный вѣстовой, дающій маханіемъ руки условный знакъ часовому” (т. II, 292), с синонимами *махало* и *махальщик*.

Уже В.И. Даль в своем словаре для второй половины XIX в. не видит у этого слова принадлежности к солдатской лексике и дает его как общенародное достояние, не различая собственно адъективное и субстантивное его употребление орфографически, хотя и трактует их отдельно: “**Махальный, махательный**, къ маханію относящійся, служащій. **Махальный** м. сторожъ или вѣстовой, выставляемый отъ караула, чтобы издали дать знать часовому о приближеніи начальника, для котораго должно вызвать караулъ. **Махала** м. махальный” (Даль₂ II, 309).

Надо учесть, что *махальной* / *махальный*, как и его синонимы *махальщик*, *махала*, не были еще в середине XIX в. официальными терминами, о чем забыли составители академического “Словаря современного русского литературного языка” вопреки напоминающим об этом кавычкам в зачем-то сокращенной и правленной цитате из сочинения 1858 г. бытописателя уральского казачества И. Железнова: *“Махальный”, стоявший на холме вроде часового, подал товарищам знак, чтобы береглись*. Железн. Уральцы (ССРЛЯ 6, 718–719). Просторечность и жаргонность слова в кавычках все-таки осталась, вопреки искажающему сокращению цитаты, более правильно и полно приведенной в третьем выпуске двенадцатого тома неоконченного академического “Словаря русского языка” (М.-Л., 1936, 473): *Один из разбойников, так называемый “махальный”, стоявший на холме в роде часового, подал товарищам знак, чтоб они береглись*. Железнов. Уральцы, I, 148. Но и здесь сокращение привело к тому, что исчезло указание на употребление этого слова применительно к казахским разбойникам: *“Лишь только адайцы успѣли убить несчастнаго охотника, какъ одинъ изъ разбойниковъ, так называемый “махальный”, стоявшій на холмѣ, въ родѣ часового, подалъ товарищамъ знакъ, чтобы они береглись, и адайцы снова разсѣялись и попрятались въ барханахъ”*⁶.

Слово *махальный* позже было широко известно русскому языку XIX в. в целом и тогда употреблялось без пояснений: *“Не было в то время [1854–1856 гг.] ни железных дорог, ни телеграфов, а были только махальные”* (С.-Щедрин. Благонамеренные речи XVI, 1874 г.)⁷.

Место, откуда махальные подавали свои знаки, именовалось *махалкой*, но у О.А. Анищенко оно получило контекстное толкование:

*«Махалка, -и, ж. Юнк. Гимн. Шутл. Лестница. После этого корнеты поставили на лестницу, именуемую на корнетском языке “махалкой”, сугубца, приказав ему вовремя предупредить их о появлении офицера (Г. Домраче(е?)в, Корнеты и сугубцы. Картины военно-училищной жизни; N-ское кавалерийское училище, 1911 г.) ... А гимназист, когда стоял на махалке, чтобы предупредить, что идет учитель, в знак опасности кричал: “Шесть!” – и быстро вбегал в класс (Толстой Н.И. Воспоминания о русском языке // Лики языка. М., 1998, 360)»*⁸.

В столкновении противоречивых показаний текстов и словарей предпочтение нужно отдавать словарям, которые основаны на

синхронных текстах, поскольку в словарях заключается исследовательский опыт современников по осмыслению языковой практики своего времени (“Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук” 1847 г.), в отличие от ретроспективных словарей (Анищенко О.А. Словарь русского школьного жаргона XIX века), точность последних, впрочем, зависит от количества привлеченного материала, недостаточное количество которого сказывается на точности толкований и социальной привязки слова.

Превращению первоначального солдатского слова в общерусское удивляться особенно не приходится, поскольку солдаты играли видную роль в распространении среди русского народа своих специфических слов и выражений, что давно отмечалось исследователями русской фразеологии уже в XIX в.: “В числе проводников в народ различных пословичных и поговорочных изречений довольно видное место занимают духовные лица до семинаристов включительно (с которыми равную честь и славу делят также охотливые передатчики – солдаты)”⁹.

Не лишено интереса, что солдатское слово *махальный* чем-то понравилось писателю второй половины XX в. А.И. Солженицину, который, рекомендуя его к использованию в литературе, включил его в свой своеобразный словарь языкового расширения: “**махáльный** – 1. прил.; 2. сущ. вестовой”¹⁰; хотя сейчас это слово уже безвозвратно утрачено, поэтому даже лексикографы сейчас ошибаются в его квалификации и причисляют его к совсем другой среде употребления. На самом же деле значение устаревшего теперь существительного *махальный* отличается от значения современного существительного *вестовой* “рядовой, назначаемый для выполнения поручений”¹¹: их значения только переkreщиваются, да и “Словарь церковнославянского и русского языка” 1847 года указывал, что *махальный* – “о с о б е н н ы й вѣстовой, дающій маханіемъ руки условный знакъ часовому”.

Если военное солдатское происхождение уже устаревшего теперь существительного *махальный* не вызывает сомнения в свете показаний “Словаря церковнославянского и русского языка” 1847 г., то ситуация с укоризненным собирательным названием гарнизонных солдат *гарниза* дело обстоит более сложно и требует этимологического подхода, способного дать указание и на социальную среду, породившую слово, которое впоследствии распространилось в другие социальные слои и только этимологически обнаруживает свои социальные истоки.

В комедии Н.В. Гоголя “Ревизор” в реплике городничего обращает на себя внимание неизвестное до этого слово *гарниза*, читающееся там, начиная с первой черновой редакции: “Да не выпускайте солдат на улицу без всего: а то эта дрянная гарниза имеет обыкновение, так только сверх рубашки наденет мундир (да метет улицы), а там внизу ничего нет”¹².

В воспоминаниях о Н.В. Гоголе близкой к нему А.О. Смирновой-Россет по записи А.Н. Пыпина в 1873 г. фигурирует слово *гарниза*: “Император Николай Павлович велел переменить неприличные фамилии. Между прочими полковник Зас выдал свою дочь за рижского гарнизонного офицера Ранцева. Он говорил, что его фамилия древнее, и потому Ранцев должен изменить фамилию на Зас-Ранцев. Этот Ранцев был выходец из земли Мекленбургской, истый оботрит. Он поставил ему на вид, что он пришел в Россию с Петром III, и его фамилия знатнее. Однако он согласился на это прилагательное. Вся гарниза смеялась. Но государь n'etaindait pas de retrogression просто велел Ранцеву зваться Ранцев-Зас. Свекор поморщился, но должен был покориться мудрой воле своего имп(ератора)”¹³.

Из “Ревизора” Н.В. Гоголя название *гарниза* попало и в сценарий “Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю)” М.С. Каростина и М.А. Булгакова (1935); “Проезд Ивана Александровича Хлестакова по улицам уездного города был настоящим триумфальным шествием. Выскакивала гарниза и брала на караул”¹⁴.

Употребленное Н.В. Гоголем слово *гарниза* при жизни великого писателя лексикографы не заметили, но в “Словаре церковнославянского и русского языка” 1847 г. встречается его эквивалент: “**ГАРНИЗОНЩИНА**, ы, с. ж. соб(ират). ун(ичиж). Въ просторѣчи: служащіе в гарнизонѣ”.

Старший современник Н.В. Гоголя писатель и лексикограф В.И. Даль уже в 60-е годы приравнял оба слова, поместив их в конце гнезда *гарнизон* – *гарнизонный*, к чему уже в начале XX в. И.А. Бодуэн де Куртенэ добавил [в скобках] еще одно фразеологическое выражение, по другим источникам мне неизвестное: “**Гарнизá** или **гарнизóнщина** ж. собр. укоризн. служащіе въ гарнизонѣ. *Гарниза пузатая!* [Гарнизонный пупь!]”¹⁵.

В качестве единственного числа к этим собирательным существительным употреблялось также иносказательное ироническое выражение *гарнизонная крыса*¹⁶.

Слово *гарниза* являлось центральным в группе уничижительных прозвищ служащих гарнизонной службы в XIX в., собран-

ных В.И. Далем в его “Пословицах русского народа” (М., 1957, 711, 713): “Солдат – кислая муниция (*дразнят гарнизонных*)”; “Гарниза пузатая. Инвалид без пороху палит”; “Магазейная крыса (*инвалидный солдат*)”; “Куцый капитан общипанной команды (*дразнят гарнизонных*)”.

Но жизнь слова *гарниза* в русском языке была не очень долгой: уже к 1880-м годам его приходилось пояснять в тексте, причем значение было также несколько иное сравнительно со значением у Н.В. Гоголя и в словарях:

“– Я говорил, что он спрячется или удерет куда-нибудь! – подхватил поручик, очень опечаленный тем, что лишился возможности явиться в роли секунданта и тем показать обществу, что он не гарниза пузатая, как обыкновенно тогда называли инвалидов начальников, но такой же, как и прочие офицеры армии”¹⁷.

Но в качестве инвективного слова по отношению к служилому гарнизонному люду оно продолжало употребляться и в конце XIX в., утратив до некоторой степени первоначальную собирательность, которая для инвективного слова не столь уж важна. В повести М. Горького “Горемыка Павел” (1894) слово *гарниза* употреблено в ряду уничижительных прозвищ-обращений к будочнику Арефию Гиблому: “– И фараон ты бессловесный! (<..> Глупый ты пень. Уморит! али ребят-то не бабы нянчат, а вот такие шайтаны, как ты? Кто вас, чертогонов, на ноги-то ставит? У ... гарниза тупоголовая!.. говорит еще чего-то!”¹⁸

Первый неоконченный академический словарь конца XIX в. под редакцией академика Я.К. Грота при опоре на В.И. Даля сделал слабую попытку разделить синонимы и противопоставить их стилистически без видимых оснований, причем впервые был привлечен пример употребления слова у Н.В. Гоголя в неточной сокращенной цитате:

“**Гарнизá**, ы, ж. *собр.* *Ирон.* То же что гарнизóнщина. *Гарниза пузатая. Эта дрянная гарниза наденетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ.* Ревиз.”

“**Гарнизóнщина**, ы, ж. *собр.* *презр.* *Простор.*: Служащiе въ гарнизонѣ”¹⁹.

В уже советском “Толковом словаре русского языка” под ред. Д.Н. Ушакова (т. I. М., 1935, стб. 543) остается лишь один из двух синонимов и тот объявлен устаревшим, но с обновленным (едва ли обоснованно!) ударением и дефиницией, однако с той же самой сокращенной цитатой, но с заменой стилистической пометы *ироническое* на *бранное*: “**ГАРНИ́ЗА**, ы, *мн.* *нет, ж., собр.*

(устар. бран.). Гарнизонные солдаты. *Эта дрянная г. (гарниза) наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.* Ггль.”.

Привлечение в семнадцатитомном большом академическом “Словаре современного русского литературного языка” нового материала в виде сокращенной цитаты из рассказа А.П. Чехова “Муж” (1886) заставило заменить явно ошибочную помету *бран.* на *пренебрежительно* и соединить толкование В.И. Даля с толкованием Ушаковского словаря: “**Гарни́за**, ы, ж. В знач. собир. Устар. Пренебрежительно. Гарнизонные солдаты, служащие гарнизона. *Воинский начальник, его делопроизводитель и местная гарниза надевают лучшие мундиры.* Чех. Муж. [Городничий приставу:] *Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.* Гог. Ревизор. д. I, явл. 5” (ССРЛЯ 3. 41).

Во втором, переработанном и дополненном, но уже не оконченом издании того же большого академического “Словаря современного русского литературного языка” (III. М., 1992, 42) сделана робкая попытка реабилитировать конечное ударение путем помещения правильной акцентологической формы *гарниза́*, только на второе место после сомнительной *гарни́за*, причислить слово к проблематичной просторечной лексике, исказить толкование исключением указания на собирательность и внесением в него слова *солдат*, а также отослать при второй цитате к несуществующему источнику – приписанному А.П. Чехову произведению “Мужик”:

“**гарни́за**, ы и **гарниза́**, ы́, ж. Устар. прост. Команда гарнизона; солдаты (с оттенком пренебрежительности). [Городничий:] *Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.* Гог. Ревизор. *Воинский начальник, его делопроизводитель и местная гарниза надевают лучшие мундиры.* Чех. Мужик.

– Даль: *г а р н и з а́*; Ушаков, 1934: *г а р н и́ з а*”²⁰.

К концу XX в. уже устарелое слово *гарниза*, полуизвестное советским писателям из книг, перестает отличаться от слова *гарнизон*:

«Поздней осенью на фрегате “Перун” Курносов с близнецами своими отплыл из Глубокой Пристанн. Днепровский лиман вихрило мыльной пеной. Петя с Павлушей, еще дети, любопытствовали:

- А что там справа чернеет, тятенька?
- Это крепость Очаков, где гарниза турецкая.
- А слева эвон желтеет?

Это, детушки, коса Кинбурнская, земля уже нашенская. У начала косы Суворов крепостцу основал. Тоже с гарнизой...»²¹

“Естественно, внешне, по обмундированию я выглядел не ротным командиром, прошедшим Польшу, Германию и Маньчжурию, не благополучным трофейно-состоятельным офицером-победителем, а скорее всего захудалым Ванькой-взводным из тыловой, провинциальной или даже таежной гарнизы” (Богомолов В. В кримере // Новый мир. 1993. № 8, 104).

Но у некоторых авторов середины XX в. все еще сохранялось правильное понимание семантического содержания слова *гарниза*, хотя слово анахронистично переносилось в начало XVIII в., как это имело место, например, у И.Л. Солоневича (1891–1953) в статье “Великая фальшивка Февраля”, где речь шла о Полтаве времени Полтавской битвы и о наличии в Полтаве четырех тысяч “гарнизонной команды” и четырех тысяч “вооруженных обывателей” под командованием генерал-майора Ивана Степановича Келина: “Этот генерал-майор Келин, во главе восьми тысяч плохо вооруженного сброда (можно себе представить Полтавскую “гарнизину” и вооруженных обывателей!), разделал тридцатитысячную армию Карла так, что от нее осталась, по Ключевскому, “голодная и оборванная толпа” <..>”²².

Чисто компилятивный “Обратный словарь русского языка” (М., 1974, 22) и построенный на тех же основаниях академический двухтомный “Сводный словарь современной русской лексики” (т. I. М., 1991, 210) кодифицировали только наличие загадочного редкого существительного *гарни́за* с ошибочным ударением, которое авторитетными источниками не подтверждается.

По хронологическим причинам не может быть принято предположение о графическом сокращении сочетания *гарнизонные солдаты* в *гарниза*, не имеющее к тому же аналогий, высказанное в академическом труде по истории словообразования русского языка в советский период, где слово *гарниза́* почему-то отнесено к словам широкого распространения: “Крайне редко старые усечения не на морфемном шве касались нарицательных слов. Из слов широкого распространения можно указать *гарниза*, представлявшего собой усечение прилагательного *гарнизонный* с включением значения определяемого существительного (гарнизонные солдаты) <..>”²³.

В этом предполагаемом “старом усечении” остается необъяснимым приобретение им собирательного значения и несвойственное “усечениям не на морфемном шве” присоединение окончания *-а*.

Авторам академического труда оставалось неизвестным более тонкое и убедительное объяснение, предложенное венгерским славистом Л. Гальди и учитывающее также социальную среду, в которой зародилось загадочное слово *гарниза*. Л. Гальди на десяток лет раньше выступил с интересной этимологией, которая позволяет считать слово *гарниза́* семинарским по происхождению: “Слово *гарниза́*²⁴, употребленное городничим, выдвигает проблемы скорее морфологического порядка. Насколько мне известно, не существует какого-либо общепринятого объяснения для образования формы *гарниза* от нормальной формы *гарнизон* (“Die Neubildung *гарниза* ist eigentümlich”, – пишет Фасмер с присущим ему лаконизмом, ср. I. 260). Со своей стороны, я склонен думать о любопытной форме “множественного числа”, образованной в результате своеобразной “реэллинизации”: единственное число *гарнизон* (фр., нем. garnison), будучи воспринято, например, в жаргоне семинаристов или, во всяком случае, людей, знающих греческий язык, как “греческое” существительное на *-όν* (среднего рода. – И.Д.), могло дать форму множественного числа на *-а*, то есть существительное с собирательным значением *гарниза*, которое стало восприниматься затем как существительное в единственном числе (ср. лат. folium > собирательное множественное folia, откуда фр. feuille, итал. foglia, румын. foaie и т.д.). Можно предположить также влияние существительных типа *беднота*, *мелкота*, *пахота* (но не следует забывать, что в данном случае собирательным “суффиксом” является *-а*, а не *-та!*)”²⁵.

Л. Гальди правильно исходил в своих этимологических разысканиях из формы с конечным ударением *гарниза́*, которая отмечается старшими лексикографами – В.И. Далем (1801–1872), Я.К. Гротом (1812–1893), И.А. Бодуэном де Куртенэ (1845–1929), А.Г. Преображенским (1850?–1918) и вслед за ними М.Р. Фасмером (1886–1962). При выходе этого слова из живого употребления и превращении в сугубо книжное слово, которое виделось на бумаге, но не звучало в обиходе, возникло и произношение *гарни́за*, осуждаемое в начале XX в. блюстителями чистоты языка²⁶. Д.Н. Ушаков (1873–1942) вместе с более молодыми коллегами Б.В. Томашевским (1890–1956), Б.А. Лариным (1893–1964), В.В. Виноградовым (1895–1969), Г.О. Винокуром (1896–1947) и С.И. Ожеговым (1900–1964) без достаточных на то оснований в “Толковом словаре русского языка” кодифицировали ошибочное ударение архаичного слова, чуждого их употреблению (Ушаков I, 543).

На возникновение ошибочного ударения повлияло наличие в русском языке некоторого числа также редких слов с ударным исходом на *-íза*, который в отдельных словах может восприниматься как суффикс: *вокалíz(a)* “упражнение или этюд для голоса, не имеющий текста и исполняемый на одних гласных звуках” (ср. *вокальный*, *вокал*), *антрепрíза* “частное зрелищное предприятие” (ср. *антрепренёр*), *экспертíза* (ср. *экспёрт*)²⁷.

Будучи словом чрезвычайно редким даже в прошлом, семинарское слово *гарнизá* не попало в большинство наших орфографических, орфоэпических и грамматических словарей ни в правильной форме *гарнизá*, ни в ошибочной *гарнiза*²⁸.

Л. Гальди оставил вне рассмотрения фигурирующую у М. Фасмера без точной документации русскую форму *гармизá*²⁹, реальность которой подтверждается также украинскими диалектными *гармизá*, *гармазá*. Укр. *гармизá* укладывается в систему русско-украинских звуковых соответствий, в отличие от искусственной полонизованной формы *гарнiзiн*³⁰.

Сейчас в русских говорах середины XX в. отмечается форма с утратой собирательности и украинизированной фонетикой (*мы*):

“Гармызá, ы, м. Старый отставной солдат. *Да тебе ли, старая гармыза, за девку свататься – ты поглядишь в зеркале: Был красавцем кавалеристом, а стал старой гармызой.* Петров. Саратов. 1960–1963”³¹.

Столь сложное происхождение редкого слова *гарнизá* оказалось непреодолимым препятствием для А.Н. Тихонова, который не смог разумно включить это слово в скромное гнездо *гарнизон*, *гарнизонный* своего “Словообразовательного словаря русского языка” (т. I–II. М., 1985)³², зато туда в аналогичное гнездо попало как якобы производное от *солдат* слово *солда/фон*, в котором конечная часть, отделенная косой чертой, трактуется то ли как второй компонент сложения типа *ниже/стоящий*, то ли как часть сложного слова, созданного без соединительного гласного, типа *кино/зал*, то ли как неопределяемая часть слова, которая употребляется в составе только данного слова типа *газ/гольдер*, то ли как вторая часть сложносокращенных слов типа *агит/пункт* (т. I, с. 5).

Слово *солдафон* представляет собой весьма внушительную трудность для лексикологов и лексикографов, что хорошо видно из новейшего переиздания “Словаря русского языка” С.И. Ожегова, вышедшего в 2007 г. под названием “Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов” и редакцией Н.Ю. Шведовой, где в конце словарной статьи: **“СОЛДАФОН,**

-а, м (разг. неодобр). Грубый, некультурный человек из военных начальников // *Солдафонский*, -ая, -ое. *Солдафонские замашки*. • Экспрессивное образование от слова *солдат*.” – вместо этимологической зоны (справки) дается смутная стилистическая характеристика, поскольку этимологическими сведениями и социолингвистической характеристикой слова составители не располагали.

В.В. Виноградов пытался в 1968 г. неубедительно выделить в загадочном слове *солдафон* весьма проблематичный суффикс *-фон*, не озаботившись судьбой согласного *-т* в конце основы слова *солдат*, с чем трудно согласиться особенно при смутности формулировки: “Во второй части словосложения (?) *солдафон* правильнее видеть лично-именной с у ф ф и к с жаргонной окраски (ср. *фонный*, задать *фону* и т.п.). Ср. *бурбон*, *фанфарон* и т.п.”³³

Еще более смутны суждения А.Н. Тихонова о структуре слова *солдафон* и его конечной части в его большой статье “Морфема как значимая часть слова” (Филологические науки. 1971. № 6, 49–50), где конечной части его отказывается в статусе морфемы, как и другим частям слова, выделяемым как морфемы по соотношению с родственными словами лишь в отдельных (или нескольких) словах: “Не относятся к морфемам единичные части слов, которые входят в состав одного-единственного слова и вычленяются лишь на фоне однокоренных слов, например: *попадья* (ср. *поп*), *дет-вора* (ср. *дети*), *почт-амт*, *почт-альон* (ср. *почта*), *клей-стер* (ср. *клей*), *франц-уз* (ср. *Франция*), *цит-ата* (ср. *цитировать*), *ва-банк*, *стекл-ярус* (ср. *стекло*), *жен-их*, *черт-еж* (ср. *чертить*), *рис-унок* (ср. *рисовать*), *мошк-ара* (ср. *мошка*), *пав-лин* (ср. *пав*), *патрон-таш* (ср. *патрон*), *жест-икул-яция* (ср. *жест*), *ляп-сус* (ср. *ляпнуть*), *юмор-еска* (ср. *юмор*). Сюда же примыкают образования типа *пианино* (ср. *пианист*), *юбилей* (ср. *юбиляр*), *солдафон* (ср. *солдат*), *маскарад* (ср. *маска*), *молодайка* (ср. *молодой*), *скупердяй* (ср. *скупой*) и мн.др.”³⁴

При этом остается без ответа законно возникающий вопрос: “Сколько же нужно случаев выделения редкой морфемы, чтобы, по А.Н. Тихонову, отнести эту редкую морфему к классу морфем?” Лишены ясности и последующие рассуждения: “Если слово *попадья* (ср. *поп*) можно поместить рядом со словами *ударница*, *поэтесса*, *курсантка*, как это делает Н.Д. Арутюнова, то вряд ли можно подобрать подходящий ряд для образований типа *почтамт*, *солдафон*, *клейстер*, *маскарад*, *юмореска*, *павлин* и т.п.”.

Характерно, что в этих списках слово *солдафон* у А.Н. Тихонова на части никак не делится³⁵.

На самом же деле слово *солдат* было распространено арготическим амплификационным и личным суффиксом *-он*, который выделяется, например, в разных старых русских условных языках в словах: *шилón* “бедняк” (при *шилник* “бедный человек”), *сбатлón* “нищий, сборщик” (*сбатлыга* “посох, палка нищего”, *сбатлывать* “собирать (о нищем)”), *салмón* “городовой” (ср. *салей* “солдат”, *салейка* “солдатка”), *саврон*, *сафрón* “священник” и т.п.³⁶

Надо думать, что сюда же относится и глагольный “маскировочный” суффикс *-он-* (и переплетающийся с ним *-кон-*), употребляющийся в условных языках русских ремесленников и торговцев: *всадонить*, *сватонить*, *испугониться*, *додонить* (додать), *криксонить*, *задермонить* (задергать), *дождидониваться* (дождаться); *писконить*, *получконить*, *прочитонить*, *плясконить* и т.п., хотя есть здесь некоторые неясности.

Из жаргонов этот суффикс даже проник в экспериментально-академическую “Русскую грамматику” (т. I, М., 1980, 165) жаргонными словами *выпивон*, *объедон*, *закидон*, *раздолбон*, *вышибон*, *опрокидон(т)*, где им приписывается шуточный просторечный характер, но сфера употребления суффикса шире³⁷.

Что касается появления звука *ф* вместо *т* в форме *солдафон*, то это обстоятельство обязано семинарскому осмыслению европейского итальянизма *солдат* как грецизма эразмова чтения и искусственному подведению его под рейхлиново чтение, как это отражено соответственно в настоящих грецизмах *театр* – *феатр*, *библиотека* – *вивлиофика*, *теория* – *феория* и т.п.³⁸

Принятое в русских духовных учебных заведениях (семинариях) чтение греческой буквы *θ* как *ф* (рейхлиново чтение) опиралось на греческую фонетику византийского периода, когда эта буква называлась уже не *тэта*, а *фита*. В гимназиях эта же буква называлась *тэта*, где отражалось ее древнегреческое звучание (эразмово чтение), принятое в латинском языке и в нынешнее время в странах Западной Европы. Чередование согласных *ф* – *т* при варьировании слов противопоставляет обычно архаическую форму с *ф* более новой форме с *т* и носит стилистический характер.

В этом отношении интересна пара из существительного *пафос* и прилагательного *патетический*, в которой существительное оформлено по рейхлинову, а прилагательное – по эразмову чтению.

Соотношение между звучанием *т* эразмова чтения греческих слов русского языка и звучанием *ф* – рейхлинова Н.М. Шанский даже подал как одно из исторических чередований в русских

словах, не оговорив особо своеобразия этого чередования *т – ф*, но в качестве примера взят именно случай *солдат – солдафон*: *гнуть – сгибать, дно – донья, мать – мнешь, писать – пишу, нога – ноженька, скепсис – скептический, анализ – аналитический, кот – кошка, солдат – солдафон, обрубок – обрубка, хаос – хаотический, беловатый – синеватый*³⁹.

В связи со сказанным нельзя согласиться со второй частью суждения В.В. Виноградова об истоках укоризненного для военных слова *солдафон*: “Трудно сомневаться в жаргонном происхождении этого слова. Оно сложилось в жаргоне самих военных” (с. 650)⁴⁰.

Но следует отметить, что все-таки в слове *солдафон* конечная часть *-фон* стала выделяться как особая часть. Именно с ее помощью А.И. Герцен образовал своеобразное слово *аристофон*, как бы связанное с *аристократ*. Откликаясь на “Заметку о вольнонаемном труде” А.А. Фета (Русский вестник, 1862, кн. V) и обыгрывая созвучие фамилии *Фет* с французским *fête* “праздник”, А.И. Герцен в письме И.С. Тургеневу от 12.XII (30. XI) 1862 г. создает каламбурные слова *аристофет* и *аристофон*:

«Il sont passés ces jours de Фет.

Этот с чего ругает народ – аристо...фет, аристо...фон – “мы де в нашей деревне...”⁴¹.

Как видно из последнего примера, элемент *-фон* в слове *солдафон*, послуживший А.И. Герцену для образования слова *аристофон*, можно рассматривать как своеобразный суффикс, получившийся в результате перераспределения конечной части слова *солдафон* (из *солдаф-он*) → *солда-фон* и называвшийся у В.В. Виноградова суффиксом. Образовавшееся с помощью этого своеобразного суффикса слово *аристофон* нарушило уникальность слова *солда-фон*. Результат получится тот же самый, если в русском слове *аристофон* видеть результат контаминации начала слова *аристократ* с концом слова *солдафон*: *солда-фон* и *аристофон* имеют абсолютно одинаковое строение с синхронной точки зрения и конечная часть *-фон* не может быть отнесена к так называемым унификсам.

Любопытно заметить, что конечный согласный слова *солдат* обнаруживает некоторую неустойчивость: почему-то, перейдя в чувашский язык, оно приобрело в нем форму *салдак* (орфографически *салтак*).

В свой “Словарь русского школьного жаргона XIX века” (М., 2007, 236) О.А. Анищенко поместила загадочное слово:

“САЛДОПЁР, -а, м. Семин. Насм. Солдат (Петровых 1898)”, источник которого сбивчиво раскрывается в списке словарей: “Петровых, 1898: Петровых И. Словарь семинариста. “Ходячие слова семинарского общежития”. Словарь хранится в рукописном отделении Словарного сектора Института языковедения РАН (в Санкт-Петербурге)” (363–364). Вероятно, этот словарь в “Списке сокращений, допущенных во II томе Словаря русского языка” назван: “Петровыхъ. – слова и замечания, сообщенныя редакціи И.С. Петровыхъ”⁴².

Совершенно неожиданно это же слово с иной орфографией обнаруживается в “Словаре московского (?) арго” В.С. Елистратова (М., 1994, 439): “СОЛДАПЁР, -а, м. Солдат. <От общеупотр. “солдат” + “переть”; возм. из арм.>” – вместе с производными: *солдапёрить(ся)* “служить в армии рядовым, солдатом”, *солдапёрка* “солдатская форма; солдатское обмундирование”, *солдапёрный*, *солдапёровый* “солдатский”. Без всяких оговорок этот материал был помещен и в “Словарь русского (!) арго” (М., 2000, 437) того же В.С. Елистратова. В том же составе слово *солдапёр* и производные от него попали в “Словарь русского военного жаргона” (Екатеринбург, 2000, 266) В.П. Коровушкина, а в “Большом словаре русского жаргона” В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (СПб., 2000, 553) они же получили противоречивую стилистическую привязку: *солдапёр* (Мол. Шутл.-ирон.), *солдапёрить* (Мол., арм. Шутл.), *солдапёрка* (Арм. Шутл.).

Из всех этих неуловимо-сомнительных слов В.В. Химик включил в свой “Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи” (СПб., 2004, 573) только одно, снабдив его невнятной “этимологией”: “СОЛДАПЁР, -а, м. Уничиж. разг.-сниж. Солдат. От *переть* (5 зн). К празднику нагнали на улицы солдаперов, они все и вычистили”.

Появление слова *солдапёр* может быть объяснимо влиянием противопоставленного ему *вольнопёр* (из *вольнопределяющийся*) по контрасту и принадлежности к одной семантической группе слов. Ср., однако, не очень ясные названия чиновников *чинопёр* (и *чиновал*, *чинодрал*) и *щелкопёр* с аналогичной конечной (ауслаутной) частью неясного происхождения.

Движение слов из языка социальных сфер, где они зародились в соответствии с их языковыми вкусами и возможностями, в другие идиомы осложняет их историческое развитие, которое оказывается невозможно осветить без помощи этимологии и большого числа использованных источников. Проникшее из солдатского

языка в язык учащихся и далее во всеобщее употребление существительное *махальный* / *махальной* только при ограниченном материале может быть принято за школьное. Инвективные обозначения военных *гарниза* и *солдафон* родились совсем не в военной среде, а в семинарской как отражение межсословных конфликтов и трений.

Примечания

- ¹ *Добродомов И.Г.* Этимология и историческая лексикология (к изучению болгарских заимствований в славянских языках) // *Этимология* 1979. М., 1981, 75–84.
 - ² *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977, 282–283.
 - ³ *Трубачев О.Н.* Историческая и этимологическая лексикография // *Теория и практика русской исторической лексикографии*. М., 1984, 34–35.
 - ⁴ *Анищенко О.А.* Словарь русского школьного жаргона XIX века. М., 2007, 161. С глухой ссылкой на: *Халютин Л.И.* Воспитание в кадетском корпусе. За полвека назад // *Современник*. 1858. № 10, 630–654 (Санкт-Петербургский кадетский корпус, 1890-е (!) гг.). Столь же ошибочна (что более очевидно) у О.А. Анищенко в числе тех же кадетских шуточных жаргонизмов и характеристика употребления слова *сторож* в кавычках у А.И. Куприна, которое считается синонимом к *махальный*: “**сторож** (...) *Кадет. Шутл.* Кадет, который должен предупредить о появлении учителя или воспитателя. *Буланин догадался, что это “сторож”. Действительно, через десять минут “сторож” вернулся и ... протяжно свистнул (А. Куприн. На переломе (Кадеты), Московский кадетский корпус; 1880-е гг.)*”. Там же, 267, 339.
 - ⁵ *Лесков Н.С.* Собр. соч. в 12-ти томах. Т. 6. М., 1983, 240, 241. Ср. также 332 (Архирейские объезды).
 - ⁶ Полное собрание сочинений Иосафа Игнатъевича Железнова, т. I: Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910, 148.
 - ⁷ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. в 10-ти томах. М., 1988, 506; на с. 572 комментарий: «Сведения с театра военных действий шли в столицу посредством “ручного телеграфа”, употреблявшегося на флоте: расставленные в пределах прямой видимости махальные передавали депеши условными жестами при помощи флажков».
 - ⁸ *Анищенко О.А.* Указ. соч., 160–161. Последняя цитата относится к 30–40-м гг. XX века: в ней говорится о русско-сербской гимназии в Югославии.
 - ⁹ *Максимов С.В.* Крылатые слова. М., 1955, 109.
 - ¹⁰ *Солженицын А.И.* Русский словарь языкового расширения. М., 1990, 100.
 - ¹¹ Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998, 122.
 - ¹² *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. Т. IV: Ревизор. [М.,] 1951, 153.
 - ¹³ *Смирнова-Россет О.А.* Дневник; Воспоминания. М., 1989, 72.
 - ¹⁴ *Булгаков М.А.* Собрание сочинений. Т. 7. М., 1999, 174.
 - ¹⁵ *Даль*, I, 843.
 - ¹⁶ *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. I. [СПб., 1902], 180.
 - ¹⁷ *Писемский А.Ф.* Масоны. Ч. 4–5. СПб., 1881, 347.
4. Этимология...

- ¹⁸ Горький М. Горемыка Павел. Повесть (1894 г.) / Собрание сочинений в 30-и томах. Т. I. М., 1940, 214.
- ¹⁹ Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. Вып. 2: Вгас-Да. СПб., 1892, 777–778.
- ²⁰ В новом начале этого же академического словаря, пока выходящего теперь под просторечным амплифицированным названием старого (БАС) как “Большой академический словарь русского языка”, статья *гарнѣза* и *гарнѣза́* (т. 4. М.-СПб., 2006, 48) в точности воспроизводит старую только с обновленной ошибкой: рассказ А.П. Чехова “Муж” здесь фигурирует уже как “Мужики”, в качестве яркой приметы формального подхода к переработке словаря сотрудниками петербургского академического Института лингвистических исследований РАН и невнимания к источниковедению.
- ²¹ Пикуль В. Фаворит. Т. II, Л., 1985, 299.
- ²² Солоневич И.Л. Россия и революция. М., 2007, 327.
- ²³ Русский язык и советское общество. Социально-лингвистическое исследование. Под редакцией М.В. Панова (вып. II:) Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, 273 (§ 187).
- ²⁴ Мы предпочитаем обозначать ударение согласно Далю; Фасмер (I, 259) приписывает этот же вариант с ударением на последнем слоге также Чехову. Вариант *гарнѣза* кажется более новым; “Словарь современного русского литературного языка” ограничивается здесь ссылкой на Словарь Ушакова (примеч. Л. Гальди).
- ²⁵ Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке. М., 1958, 32. Этимологический словарь М.Р. Фасмера здесь цитируется по немецкому изданию: Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I–III. Heidelberg, 1953–1968.
- ²⁶ Долончев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Изд. 2. Варшава, 1909, 43.
- ²⁷ Экспериментально-академическая “Русская грамматика” (т. I. М., 1980, 199) выделяет едва ли правильно суффикс *-иза* только в одном единичном слове *экспертиза*.
- ²⁸ Исключение составляет академический “Русский орфографический словарь” (М., 2000, 175), где зафиксирована лишь достоверная форма *гарнѣза́* с конечным ударением; причины включения в нормативный словарь вышедшего из употребления слова неясны. Остается не вполне ясным скатологический каламбур в одном из современных детективных романов: “Молодец дочечка Маечка! Все растрепала, говнѣза паршивая” (*Вайнеры А. и Г.* Евангелие от палача. М.: Сигма, 1997, 136), – то ли это контаминационное преобразование не очень понятного для авторов слова *гарнѣза́* (с неясным ударением), то ли суффиксальное образование с суффиксом *-ѣза*, который служит для амплификации неприличного слова с бранным значением. Во всяком случае, авторы исходили из весьма туманной для них бранной окраски слова *гарнѣза* с весьма ослабленной семантикой.
- ²⁹ Она, вероятно, восходит ко второму выпуску (М., 1910, 119) “Этимологического словаря русского языка” (т. I) А.Г. Преображенского: «*гарнѣза́*, обл. *гарнѣза́* “гарнизонный солдат, инвалид”».
- ³⁰ Етимологічний словник української мови. Т. I: А-Г. Київ, 1982, 475.
- ³¹ СРНГ 6, 45. Зачисление в существительные мужского рода (помета *м.*) едва ли может быть оправдано: прилагательное *старая* при нем свидетельствует об обратном.

- ³² Нет у него слова *гарниза* и в списке одиночных слов.
- ³³ *Виноградов В.В.* Об экспрессивных изменениях значений и форм слов // Советское славяноведение. 1968. № 4, 9–11; цитируется по: *Виноградов В.В.* История слов. М., 1994, 650. Разрядка моя. – И.Д.
- ³⁴ Здесь интересно ошибочное сближение латинского слова *ляпсус* с глаголом *ляпнуть* в духе народной этимологии. Но эта ошибка исправлена в гнездо-“словообразовательном словаре”, где латинизм *ляпсус* помещен в списке одиночных слов.
- ³⁵ Весь список слов с единичными аффиксами, которым А.Н. Тихонов отказывает в праве считаться морфемами, весьма противоречив по составу и требует внимательного анализа каждого слова. В качестве примера обращу внимание на незакономерное разделение двух слов с одинаковыми суффиксами, переданными по-разному в написании. А.Н. Тихонов не заметил, что в слове *мошк-арá* и *детв-орá* содержится один и тот же суффикс *-ар(а)* с разным написанием, но в *дет-в-ора* ему предшествует суффикс *-в(а)* – ср. *дет-ва* (при *лист-ва*). Это не удивительно, поскольку такие слова затрудняли даже В.В. Виноградова, который при анализе этих слов испытывал затруднение: “..слово *детвора*, находящее себе соответствия в южновеликорусских говорах, не разлагается на *детва* (ср. *листа*) и суффикс *-ора* (ср. *мошкара*); с другой стороны, членение на *дет* и *вора* лишено смысла. Ср. в языке Левитова *мужварьё*, в котором слито три собирательных суффикса *-в(а)*, *ар-* (ср. *мошкара*) и *-ьё*”. (*Виноградов В.В.* Вопросы современного русского словообразования // Русский язык в школе. 1951. № 2, 1–10. Цит. по: *Виноградов В.В.* Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975, 164). Экспериментально-академическая “Русская грамматика” 1980 г. рассматривает эти суффиксы в одном § 407 и, видимо, считает эти “морфы” представителями одной морфемы, то есть единого суффикса: “Собирательное значение имеют ⟨.⟩ слова с суф. морфами *-в(а)* ⟨.⟩, *-ар(а)* ⟨.⟩ и *-вор(а)* ⟨.⟩; последний – соединение двух предшествующих морфов): *лист – листа*, *брат – братва* (прост.), *татары – татарва* (стар.), *пацан – пацанва* (нов. прост.); *мошка – мошкара*, *дети – детвора*” (Русская грамматика. Т. I. М., 1980, 207 (§ 407). В книге: *Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке. М., 2001, 195 – слово *солдафон* перечислено в списке существительных с “несопоставимыми постфиксальными морфемами”, но оставлено вне рассмотрения, а соответствующие морфемы названы ущербными. Е.А. Земская зачем-то назвала словообразовательные морфемы, выделяемые в отдельных словах и не представленные параллельно в других, унификасами, но оставила вне рассмотрения и “терминологического” выделения морфемы, представленные в двух, трех и т.д. словах, не обозначив четко границы между унификасами и остальными морфемами. *Земская Е.А.* Унификсы (Об одном виде морфем русского языка) // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. № 341. М., 1969, 100–106.
- ³⁶ *Бондалетов В.Д.* Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство. Рязань, 1980, 22–23. Ср. форму *куртón* среди жаргонных названий куртки: *куртёль*, *куртёха*, *куртёжа*, *куртёха*, *куртón*, *куртónчик* в “Словаре московского арго” (М., 1994, 220) В.С. Елистратова.
- ³⁷ См. об этом: *Добродомов И.Г.* По следам разысканий В.В. Виноградова о слове *солдафон* // *Opuscula polonica et russica*, V. Warszawa, 1997, 105–114; *Добродомов И.Г.* К проблемам русской исторической лексикологии нового времени в трудах В.В. Виноградова // *Русистика сегодня*. 1996. № 3, 133–136. Об арготическом характере суффикса *-он* см.: *Timroth W. von.* Russian and Soviet

Sociolinguistics and Taboo varieties of Russian language (Argot, Jargon, Slang and "Mat"). Munich, 1986, 83, 117 (Slavistische Beitrage, Bd. 205).

- ³⁸ Колебания между *ф* и *т* в оформлении новых европейских заимствований в русском языке XVIII в. подробно рассмотрены в книге: *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972, 197–202.
- ³⁹ *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, 124.
- ⁴⁰ Слова *солдафон* нет в очень показательном "Словаре русского военного жаргона" (Екатеринбург, 2000) В.П. Коровушкина.
- ⁴¹ *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30-ти тт. Т. XXVII, кн. 1. М., 1963, 771.
- ⁴² Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. Т. II. СПб., 1907, XXV.